

Лариса ДАНИЛИНА:

«ВСТРЕЧА С ШИФФЕРСОМ БЫЛА ДЛЯ МЕНЯ ДАРОМ СУДЬБЫ»

—Фильм «Первороссияне» много лет пролежал в хранилищах Госфильмофонда, недоступный для просмотра. Интересно, когда вы его видели последний раз?

Сорок один год назад, когда его сдавали в Госкино. Кроме режиссера Евгения Шифферса, который жил в это время в Москве, из нашей группы на сдаче присутствовала только я. Помню, в большом зале в абсолютной тишине сидело десятка два человек. Ощущение было, что все окутано какой-то сумрачной тайной. Никаких разговоров, строгое соблюдение всех формальностей...

В 1991 году нам с Евгением Львовичем еще раз удалось увидеть картину, когда Шифферс готовился к съемкам фильма-медитации «Путь царей»—об убийстве царской семьи*. К тому моменту в «Первороссиянах» уже не было главы «Муж и жена», да и сама копия была очень плохой. И все же Лена Машкова, второй режиссер «Пути царей», из зала любительской видеокмеры сняла «Первороссиян». А вскоре копия картины куда-то делась. Мы удивительная страна и удивительный народ. Можем созидать, а потом безжалостно разрушить созданное. Не задумываясь, уничтожаем свои корни...

Сам для себя Шифферс считал этот фильм цветным, только цвета было всего два—*черный и белый*.

Когда в 2004 году на канале «Культура» готовилась передача «Звездные годы “Ленфильма”», посвященная Александру Гавриловичу Иванову, о нашем фильме вспомнили, хотели показать фрагменты из него, но удалось найти только первую часть с обрезанными титрами. Ни одной позитивной копии больше нигде не было! Ужасного качества кассета—вот и все, что у нас осталось на память...

Дальше вся надежда была только на Госфильмофонд, на тех энтузиастов, которые в нем работают. Я стала звонить Владимиру Юрьевичу Дмитриеву. Огромная ему благодарность—он оказался человеком творческим, заинтересованным в сохранности нашей культуры. И в результате Госфильмофонд вернул к жизни наш фильм!

—Лариса Михайловна, теперь, когда «Первороссиян» можно увидеть (пусть и на кассете), о них, наверняка, напишут еще немало, но все равно, самое интересное, на мой взгляд,—это свидетельства очевидцев, тех, кто принимал участие в съемках. Как, например, вы попали на них?

Второй режиссер Владимир Синило выбрал меня по актерской карточке. Я с радостью помчалась в Ленинград на пробы, потому что хотела вы-

* «Путь царей». 1991 г., к/ст. «Ленфильм», ч/б. Реж.-пост. Евгений Шифферс; опер.-пост. Алексей Найденов; композ. Авет Тертерян; худ.-пост. Александр Орлов, Ирина Чередникова. В ролях: Мария Шифферс, Евгений Шифферс. В фильме задействованы куклы.

рваться из Театра киноактера хоть на три дня, так меня в том году достали совершенно бессмысленные репетиции «Негритянского квартала» Сименона.

На роль Любы Гремякиной кроме меня пробовалась Людмила Чурсина. Но вообще-то Шифферс, который на «Первороссиян» пришел с условием, что приведет своего художника и своих актеров, четко представлял, что ему нужно, и поэтому на все остальные роли пробовалось по одному человеку. Потом для худсовета из проб Евгений Львович сделал маленький ролик-фильм.

Когда я впервые вошла в репетиционную комнату, то испытала настоящий шок—казалось, что в ней носилась шаровая молния! Шифферс все время двигался, все время что-то говорил. Сгусток энергии! От него нельзя было оторвать глаз. Я человек, которому всегда хотелось, чтобы режиссер подробно объяснял, что ему нужно от актера, но когда я увидела Шифферса, то поняла, что к нему у меня нет и не будет никаких вопросов. Я просто подчинюсь его воле.

Но после проб мне стало казаться, что я ничего не могу, что у меня не получается и никогда не получится то, чего ждет режиссер.

—Тем не менее, вы стали готовиться к съемкам...

Первое, что я сделала, спросила: «Мне, наверное, нужно прочитать “Первороссийск”?» Шифферс сказал: «Ничего не надо читать. Наш фильм к нему никакого отношения не имеет!»

А на самих съемках у меня появилось ощущение, что я вообще не работаю, что кто-то все делает за меня, ведет меня... Мне была непонятна работа Шифферса с актером. Как он добивался нужного результата? На репетициях Шифферс ничего не объяснял, только показывал. Считал, что актер может сделать все, но это «все» зависит от режиссера, если у актера что-то не получилось—виноват режиссер.

Вот, например, снимается одним длинным кадром глава «Воскресенье», пахота. Общий план, актер (я) далеко. Шифферс каждый мой шаг сопровождает своим комментарием. Мы были единым целым! Я настолько «чувствовала» его, что когда он кричал: «Ну, падай!»—у меня подкашивались ноги в ту же секунду, я падала мгновенно. Он создавал такую атмосферу, что ты, казалось, жил его чувствами, его волей. Сила его воздействия на актера была невероятной.

—А Александр Гаврилович работал с актерами?

Иванов сидел рядом с камерой на стульчике и писал мемуары. Он вообще ни во что не вмешивался и никогда не отменял решений Шифферса (за что ему огромная благодарность), но на площадке присутствовал всегда. Я помню, как он один раз посмотрел в кадр. Это было, когда снимался общий дальний план станицы через мой крупный план. Шифферс позвал Иванова посмотреть, что там происходит. «Да мне все понятно, работайте»,—ответил Иванов, но все-таки подошел и посмотрел.

Так что фактически картину снимал Шифферс. Александр Гаврилович своей кавалерийской грудью только «закрывал» ее от нападков. Дал возможность ей быть снятой. В титрах стояло: «режиссер-постановщик Александр Иванов», а в следующем титре, также во весь экран: «режиссер Шифферс». Все знали, что над картиной работал Шифферс, но официально считалось,

что это картина Александра Гавриловича. Так она по всем документам и проходит.

—*И они с Шифферсом не конфликтовали?*

Никогда! Он с самого начала все отдал в руки Шифферса. Александр Гаврилович был хорошим человеком. У него было удивительное чутье на талант. И он этому таланту не мешал.

Кстати, вы знаете, что Шифферс полностью переписал сценарий? Первоначально в нем было 240 страниц! Тогда Александру Гавриловичу было 70 лет, он был немолод, но еще крепок, и все же боялся приступить к этой работе, понимая всю ее трудность. Выходило, что надо снимать сериал, и было ясно, что того пафоса, который есть в поэме, в фильме уже не будет. Тогда-то Марк Рысс, который умел находить людей, привел на студию Евгения Шифферса.

В расплату за «помощь» Иванову Шифферсу обещали собственную постановку. В результате постановку так и не дали, но гонорар за сценарий «Дочки-матери» (кстати, в этом фильме Евгений Львович собирался снимать меня) все-таки выписали—Шифферс на него купил шубы первой жене, Нурии, и дочке Леночке, а себе—пишущую машинку, она до сих пор стоит у меня. . .

Евгению Львовичу выдали этот неподъемный том и отправили в Комарово—дорабатывать. За месяц он полностью переписал его, уложившись примерно в 100 страниц (все равно не мало!). После этого поехали снимать в Теберду.

Съемки сопровождалась страшным давлением со стороны руководства. Оно началось еще на стадии кинопроб. Первый оператор фильма, Назаров, который до этого работал у Александра Гавриловича на нескольких фильмах, снял пробы, но дальше просто не смог выдержать натиска Шифферса, считая, что тот слишком много командует, и ушел с фильма. Предложили снимать Евгению Шапиро, и он неожиданно согласился, что, как выяснилось позже, было к лучшему. Правда, вначале Шапиро тоже многое не нравилось, в частности то, что Шифферс, который считал, что кино должно быть цветное, с локальным цветом, решил все красить—не только декорации, но даже природу.

Ситуация в группе сложилась напряженная. Разрядилась она только после съемки главы «Воскресенье». Съемка длилась два или три часа, снималось все единым кадром—220 метров без перерыва (только потом при монтаже были вставлены врезки). Она произвела огромное впечатление на людей, и после нее лед в отношениях оказался сломан. Все, рабочие, операторы, абсолютно все покорились воле Шифферса. А Шапиро даже встал на колени и сказал прочувствованные слова.

И все же Шифферс потом не раз говорил, что если бы со стороны Шапиро с самого начала не было сопротивления (от оператора очень многое зависело в нашем фильме!), некоторые эпизоды получились бы гораздо лучше, например, та же глава «Муж и жена». Да и вся картина в целом была бы более совершенной.

А вот с кем у Шифферса было абсолютное взаимопонимание, так это с художником Мишей Щегловым. Правда, жаль, что Щеглов, когда стал рабо-

тать с Полокой, воспроизвел (точь-в-точь!) в «Интервенции» композицию и цветовое решение многих кадров «Первороссиян», придуманных Шифферсом...

—*Долго вы пробыли в Теберде?*

Всего полтора месяца вместо трех. Я не знаю никого, кто мог бы так быстро снимать. Кстати, в группе высказывали недовольство, что натура так быстро снята, и не удастся как следует отдохнуть за суточные на юге вместе с семьями. Один из возмущенных рабочих, напившись, даже бегал за Шифферсом с ножом. Еще бы—вместо долгой южной экспедиции Шифферс организовал незапланированную экспедицию в Вильнюс. Там был большой павильон, который можно было перекрашивать. И мы один день работали—три отдыхали, потому что материал отправлялся в Ленинград, где его проявляли, потом присылали к нам, мы смотрели—все ли в порядке. Если да, то перекрашивали павильон в другой цвет и снимали следующий эпизод.

—*А как отнесся Евгений Львович к тому, что удалось снять? Он был доволен результатом? Сумел ли воплотить свой замысел?*

Он никогда не «озвучивал» свои задумки. У него все было интуитивно. Про него говорили: «Ну, он театральный режиссер». Но что значит «театральный режиссер»? Его любимый режиссер—Дрейер. «Страсти Жанны д'Арк»—не театральный фильм? Вопрос. А Шифферс говорил: «Это самый замечательный фильм из всего, что я видел».

—*Это объясняет «Первороссиян».*

Шифферс был человеком интуиции и при этом имел аналитический немецкий ум (по линии отца у него в роду были немцы и французы, а по линии матери—армяне).

Ко всем он относился как к равным, как к самому себе, мог часами беседовать с простым рабочим о серьезных проблемах. И всегда делал так, как считал нужным, как у него получалось, никому не подчиняясь. Говорил: «Художник, режиссер, определяется не тем, что он может себе позволить, а тем, чего он себе заведомо не позволит». И всегда все тащил на себе, считал, если он участвует в этой работе, то за все отвечает стопроцентно.

Себя совершенно не жалел. Уставал на съемках так, что просто падал. У него было воспаление паутинной оболочки мозга. Еще когда работал в театре, перенес такой приступ, что оказался в нейрохирургическом отделении, там предложили делать операцию. Позвонили из обкома, интересуясь его состоянием, врачи честно сказали, что операция опасная и после нее Шифферс может стать нетрудоспособным. «Но есть шансы, что все будет в порядке?»—«Маленькие».—«Делайте, он нам нужен здоровым». Это «делайте», скорее всего, было провокационным, кому-то очень хотелось вывести его из строя...

Как-то Шифферса вызвали в обком, он вошел в комнату, увидел у чиновника на столе кучу газет и искренне удивился: «И это все вы читаете?»—«Да, конечно, я читаю, потому что должен знать, как жить сегодня». Шифферс же газет до перестройки вообще не читал. Но, не имея ни грамма славянской крови, он болел душой за Россию, страдал из-за того, что здесь происходит. Когда начались отъезды наших друзей за границу, мы тоже могли бы уехать с ними, они нас звали с собой, а Женя сказал: «Я здесь ни-

кому не нужен, а там тем более. Там от меня будут ждать, что я стану поносить эту землю, а я этого делать никогда не буду. Я здесь родился, Господь Бог меня послал сюда, и здесь я должен умереть».

Тогда ведь из-за «Первороссиян» начальство Госкино не получило ожидаемых наград к 50-летию Октября... А в обкоме партии Ленинграда говорили, что этот молодой анархист, выгнанный из театра, спрятался за спину А.Г.Иванова и снова что-то скандальное натворил. Александр Гаврилович к тому времени не имел уже сил и возможностей защищать картину. Он заболел. Защитников практически не осталось. Партийные власти и Госкино требовали переделок. Но ведь в этой ленте что-то переделать было просто невозможно! Шифферс отказался от ремонта и уехал в Москву. Чтобы «спасти» картину, Евгений Шапиро согласился на некоторые поправки—что-то доснял, вырезал один мой план, заменив его планом другого персонажа...

Честно скажу—нам было страшно. Для Евгения Львовича все пути оказались перекрыты. Представляете, человек с таким темпераментом вдруг оказался лишенным возможности работать? А мог еще лишиться и свободы. В Москве я все время боялась, что все кончится лагерем, Шифферс ведь говорил то, что думал, везде и всем. Я предупреждала: «Женя, а вдруг телефоны прослушиваются?»—«Детка, пусть они все это слышат от меня, а не от тех, кто будет на меня доносить».

—Неужели так и не удалось найти ничего хотя бы в театре?

Были попытки работы у Ефремова, Евгений Львович переделывал одну из пьес, кажется, трилогии «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики» и даже играл небольшую роль. Ефремов предложил ему собственную постановку, Шифферс начал репетировать, но тут Олег Николаевич вызвал его и сказал: «Режиссером-постановщиком буду написан я, иначе спектакль закроют». Шифферс отказался... Потом начал делать «Мольера» у Любимова, ездил к нему, они подолгу разговаривали. Тоже не сложилось, как и в театре им. Вл.Маяковского, для которого он написал инсценировку «Подростка» Достоевского и пьесу «Сократ». В телевизионном объединении на «Мосфильме» ему предложили снять телефильм. Он взял художником Сережу Бархина, выбрали натуру, сформировали группу. Сюжет был интересным—человек из белого превращается в негра и на себе испытывает, какво это жить черным. Все уже было готово для съемок, но на студии решили собрать еще один худсовет и пригласили на него Шифферса. А его именно на этот час наш друг, писатель Владимир Максимов, позвал крестить своего племянника. Шифферс—крестный отец. Как вы думаете, что он выбрал—худсовет или крестины племянника Максимова? Он поехал крестить племянника! И фильм закрыли...

Потом в Вильнюсе ему предложили написать сценарий по книге врача-писателя Юлия Крелина. Написал, отправил. Там прочитали, пришли в ужас и стали требовать вернуть аванс, который уже был к тому времени потрачен... По рекомендации сценаристки Сони Давыдовой, жены Николая Каретникова, Евгений Львович написал сценарий для Экспериментального объединения на «Мосфильме». Та же история—сценарий прочитали и отказались с ним работать!

Единственное, что Шифферс в те годы сумел сделать—поставил спектакль «Прежде, чем пропоет петух» в Каунасе. Потрясающий. Шифферс получил удовлетворение от этой работы. Актеры были замечательные, играли спектакль с восторгом. Зрители смотрели, затаив дыхание. Но именно это-то и не понравилось чиновникам... Это была последняя театральная работа Шифферса.

Работы не стало вообще. Все говорили ему: «Надо что-то придумать». Но так и не придумывали. На лето Шифферс с дочкой, Машей, уезжал на Украину, где мы купили домик. Тайно писал для православного журнала, в котором работал его знакомый—дьякон. Но как только стало известно, что это «тот самый Шифферс», и там перестали брать его статьи. И он стал писать «в стол»: эссе, роман «Смертию смерть поправ», религиозно-философские труды. Недавно мы издали его трехтомник: два тома—произведения Евгения Львовича. Третий—комментарии к ним, подготовленные Владимиром Рокитянским. Сейчас готовим к печати большую его работу—семейный альбом «Преодоление Гуттенберга»—такие большие листы, на которых он с маленькой Машей составлял коллажи из собственных текстов, фотографий и Машинных рисунков. Хочу сказать, что для него семья имела большое значение (кстати, эталоном семьи была царская семья)—вопросы семьи, дома, рода волновали его всю жизнь. На эту тему он не раз читал лекции в театре Погребничко «ОКОЛО». Отдушиной стали для него и беседы с философами Юрием Громько и Олегом Генисаретским.

При этом Шифферс все время читал религиозную литературу. Погружался в нее все больше и больше и понял, что ему не нужно все, чем он стремился заниматься раньше, хотя сначала он, человек с таким потенциалом, хотел работать, с горечью говорил: «Я готов служить, но я им не нужен...»

Да потому что чужой! Товстоногов как-то сказал: «Если услышите, что на Васильевском острове восстание, знайте, что его возглавил Шифферс». Хотя на самом деле Шифферс был абсолютно не уличным человеком, считал, что на улицу выходить толпой нельзя, потому что толпа не имеет лица. Нужно жить домом, воспитывать детей настоящими гражданами своего отечества. Он был государственным человеком. Не нужный государству государственный человек!

Я не знаю людей, которые бы соответствовали Шифферсу, включая себя. Он был очень терпелив к людям, несмотря на всю свою горячность. А его или любили, или ненавидели. Только так. Или враги, или друзья. Он был невероятно темпераментен, его захлестывали эмоции, но кричал он только в процессе работы, увлекаясь. А в обычной жизни я помню только его крик перед самым уходом. Даже не крик, а какой-то тонкий, заоблачный звук. Я не могла этого долго выносить, сказала: «Женя, я больше этого не выдерживаю». Он мне тихо ответил: «Детка, я кричу, но когда я умру, ты увидишь—я кроткий человек». Да, в душе он был кротким...

Он умер у нас с Машей на руках, незаметно затаив, я думала, что он заснул. Перед уходом я его умоляла: «Женя, сделай что-нибудь, помоги себе» (он же был энергетически сильным, руками мог лечить), но он сказал: «Я больше не могу». Все. Энергия ушла... На этом пути его кто-то встретил,

его лицо озарилось такой божественной улыбкой, стало таким мягким... Знаете, он всегда говорил: «Когда я буду умирать—не мешай мне». Вопрос смерти для него был очень важным. Он всю жизнь, как и положено верующему православному человеку, готовил себя к этому часу, говорил: «Главное в жизни человека—прийти к смерти с чистой душой. Родившись, наша задача—пройти этот путь правильно». И больше всего беспокоился о том, что мы можем испугаться. Хотел, чтобы это произошло дома (так, слава Богу, и случилось).

—*А как сложилась ваша судьба после «Первороссиян»?*

Я пробовалась у Жалакявичуса на роль в фильме «Это сладкое слово—свобода!», чувствовалось, что он хочет меня снимать, Маша была еще грудная, но мне обещали няню на время съемок в экспедиции. Шифферс ревновал, я видела, как он напряжен. После одной из проб он мне сказал: «Ты собираешься сниматься, а что будет с Машей?»—«Мне дадут замечательную няню, не будет никаких проблем».—«А я?» И я поняла, что если поеду сниматься, то потеряю Шифферса. Его слова не шли у меня из головы. На следующей пробе я на площадке вдруг громко сказала: «Боже, зачем я здесь?»—и Жалакявичус, побледнев, распорядился: «Отвезите ее домой».

—*И вы не пожалели?*

Нет! Никакого сожаления нет, что меня где-то не утвердили, что я мало снималась. Было несколько ролей в сказках у Бориса Рыцарева, были какие-то эпизоды, в том числе и в фильме «Москва слезам не верит» (помните, я там была девицей, пришедшей записываться в клуб знакомств?). Но такой роли, как в «Первороссиянах» у меня больше не было. Между прочим, еще на съемках Иванов сказал мне: «Тебе будет трудно после этого фильма сниматься. Может, даже вообще не придется».

—*Напророчил.*

Но это правда. Мне было сложно с другими режиссерами. И все-таки актерская судьба у меня сложилась счастливо—я начала работать в дубляже и пользовалась успехом в этом плане.

Но главное, я поняла, что стала актрисой только для того, чтобы встретиться с Шифферсом. Это было даром судьбы...

Беседовала **Тамара Сергеева**